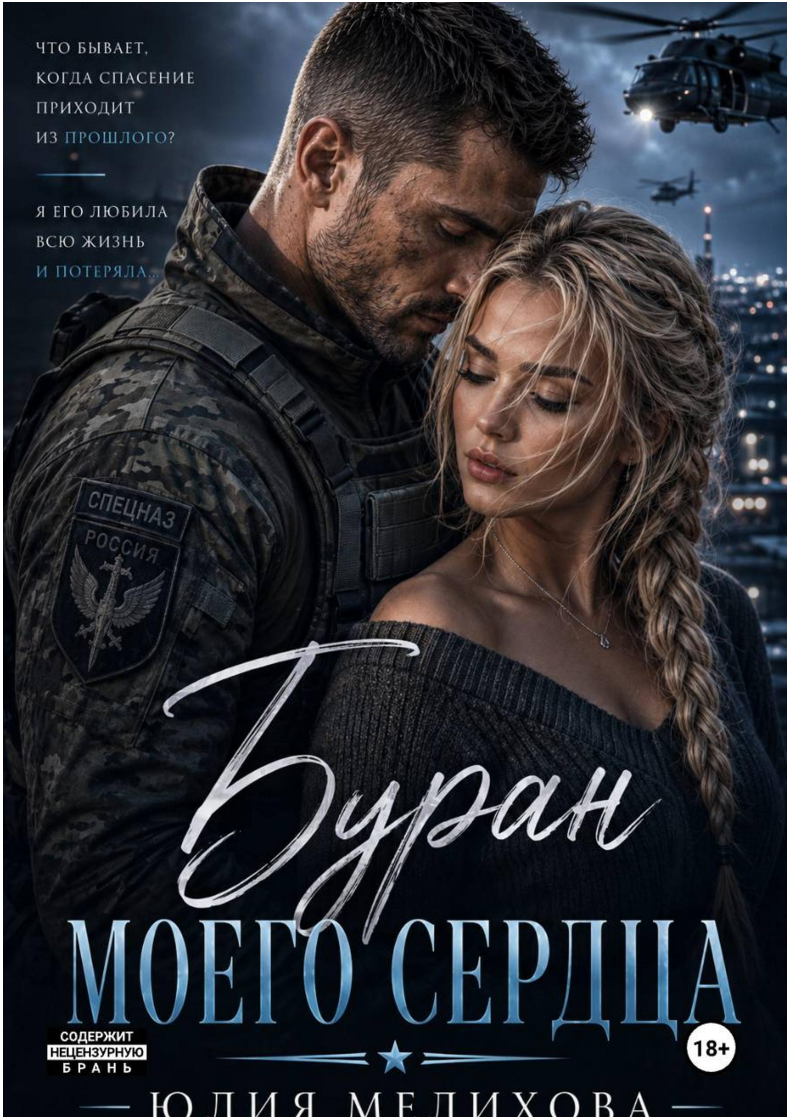

ЧТО БЫВАЕТ,
КОГДА СПАСЕНИЕ
ПРИХОДИТ
ИЗ ПРОШЛОГО?
Я ЕГО ЛЮБИЛА
ВСЮ ЖИЗНЬ
И ПОТЕРЯЛА...
СПЕЦНАЗ
РОССИЯ
Буран
МОЕГО СЕРДЦА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ЮЛИЯ МЕЛИХОВА

Юлия Мелихова

Буран моего сердца

https://litres.ru/74875668
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я замужем Клим, — шепчу с горечью, с трудом сглатывая ком в горле. А он ведет пальцем по шраму на скуле.

— Я тебя у него заберу, — рычит, прижимаясь губами к отметине от мужа.Не хочет сдаваться любовь всей моей жизни.

— Не ищи меня, так будет лучше.

— Скажи, что его не любишь, Веснушка!

Я полюбила Клима когда мне было двенадцать, а ему семнадцать. Через год он ушел в армию, а мой отец разбогатев, перевез нас в престижный район из панельных пятиэтажек. И на мое совершеннолетие насильно выдал замуж.

Спустя много лет мы встретимся вновь. Я жена бандита, а он офицер ФСБ.

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Алина.	6
Глава 2. Алина.	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5. Клим.	21
Глава 6. Клим.	26
Глава 7	30
Глава 8. Буран.	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11. Буран.	49
Глава 12. Арина.	53
Глава 13. Арина.	59
Глава 14. Арина.	64
Глава 15. Арина.	69
Глава 16. Клим.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Мелихова
Буран моего сердца

Буран моего сердца

Аннотация

— Я замужем Клим, — шепчу с горечью, с трудом сглатывая ком в горле. А он ведет пальцем по шраму на скуле.

— Я тебя у него заберу, — рычит, прижимаясь губами к отметине от мужа.

Не хочет сдаваться… любовь всей моей жизни.

— Не ищи меня, так будет лучше…

— Скажи, что его не любишь Веснушка!

Я полюбила Клима когда мне было двенадцать, а ему семнадцать. Через год он ушел в армию, а мой отец разбогатев, перевез нас в престижный район из панельных пятиэтажек. И на мое совершеннолетие насильно выдал замуж. Спустя много лет мы встретимся вновь. Я жена бандита, а он офицер ФСБ.

Глава 1. Алина.

— К сожалению беременности нет, — достаточно буднично вещает мой гинеколог. Я привыкла за последний год к этим словам и не питаю надежд на то, что смогу родить малыша. — Одевайтесь.

Вытираю салфеткой гель с живота и поправляю блузку.

— Я сейчас вам выпишу направления на анализы и все таки настоятельно рекомендую вашему супругу тоже пройти обследование.

Илья Валентинович заполняет нужные бумаги, я сажусь напротив него и просто жду когда он закончит записывать все это.

Мой муж очень хочет ребенка и это желание превратилось в навязчивую идею. Целый год я как по расписанию приезжаю к чудо- доктору Туманову для того чтобы он все же нашаманил мне заветные две полоски на тесте.

— Вот, —протягивает мне бумаги.— Здесь все по пунктам. Подробно. Двадцатого июня я жду вас на прием.

Вздохнув, молча перечитываю назначения.

Спермограмма, как красный флаг для него, нет нет и нет! И сразу отметаю все остальное. Он на такое точно не пойдет. Пробовала разговаривать, бестолку. « У всех моих братьев есть семьи и я смогу» твердит мне целый чертов год!

— Алина, у меня нет к вам вопросов по здоровью. — Ка-

кой понимающий доктор. Отмечаю мысленно. Или у меня на лице написано то, с каким «интересом» я читала назначения врача? — Но вашему мужу придется сдать этот анализ. — максимально тактично продолжает доктор.

Я не понимаю, как муж решился отправить меня на обследование и лечение к мужчине гинекологу?

При этом не разрешая мне даже голову поднять и вокруг осмотреться. Для остальных мужчин я - табу. На меня нельзя смотреть, со мной нельзя разговаривать. Да ничего никому нельзя! У меня даже подруг нет, кому нужна узница замка Месхи? Никому. Все мои школьные приятельницы достаточно быстро пропали с радаров, узнав за кого я замуж выхожу, от большой и светлой любви воспылавшая! Примерно. Два раза сбежав.

— Вы прекрасно знаете все ответы наперед, Илья Валентинович. Мой муж абсолютно здоров. — Сжимаю ладонями тонкий ремешок кожаной сумочки.

В глубине души я долго верила и надеялась, что если я забеременею, потом рожу, то наша семья станет походить на нормальную. И у меня появится человечек которому я нужна и который меня будет любить просто так. И я… буду любить его больше всех на свете, дарить ему ласку и заботу.

Но даже в этом Бог меня карает. Лишает возможности стать когда либо мамой. Столько попыток и все бестолку.

— Попробуйте с ним откровенно поговорить, объяснить, что ничего зазорного в этом обследовании нет. Что совре-

менные мужчины спокойно относятся к данному виду анализов.

Мне тоже кажется, что мужчина желающий стать отцом, согласен на любые виды лечения и манипуляции. Но, это не про моего мужа. Мужчинам проще найти новую самку для создания потомства, чем позволить себе усомниться в качествах самцовости.

— Хорошо, — тяжело вздыхаю. — Спасибо, — поднимаюсь на ноги, — Двадцатого я буду.

Разворачиваюсь к выходу из кабинета.

На стенах висят красивые плакаты, глаза сами за них цепляются каждый раз. Беременные женщины с разными сроками. Животики, малыши…

Видимо, это не для меня.

Открываю дверь и сталкиваюсь с высокой фигурой.

Приятный аромат врывается в мой нос и я поднимаю голову чтобы посмотреть на человека.

Замираю… застываю, увидев дергающийся кадык на мощной шее, крадусь глазами вверх: квадратный подбородок с щетиной…

— Аккуратнее девушка, — тихий рокот с хрипотцой над головой. Большие руки обхватывают меня за талию не давая упасть.

Бегу глазами по губам расплывшимся в улыбке и пропадаю, встречаясь с карими глазами.

— Клим, — бесшумно выдыхаю…вот он… живой и

невредимый.

Спустя двенадцать лет…

Глава 2. Алина.

Проваливаюсь в карие глаза со смешинкой… они всегда у него были такими. Серьезные, но с щепоточкой тепла.

Секунда… мир застывает вокруг.

— Веснушка… — мужские губы выдыхают вместе с воздухом такое знакомое и одновременно такое забытое прозвище. Так звал меня он…раньше.

Деревенею.

Шок.

Неверие.

Жив. Передо мной. Встретились. Мир застывает. Мне все -равно на то, что вокруг. Все - равно на вибрирующий телефон в сумочке. Все-равно на охрану рядом с кабинетом…

— Алина Вячеславовна, — жесткий голос заставляет начать дышать и мыслить, — Нам пора, — настойчиво. — Вас ожидают.

Моргаю, прогоняя наваждение.

Мужские руки исчезают с талии…

— Дыши, Веснушка…

Вдыхаю кислород и промаргиваюсь. Мужская фигура скрывается за дверью.

— Едем, — нервно комментирую сопровождающих меня охранников и ватными ногами следую до машины.

Сажусь на заднее сиденье и только тогда позволяю себе

расслабиться, рядом никого и мои эмоции только мои.

Опираюсь лицом в ладони.

Как так… живой и невредимый. А я столько лет думала… что нет его на этом свете. А он…

Веснушка…

Боже…

С трудом сдерживаю всхлип рвущийся из груди. Нельзя чтобы псы что-то поняли и тут же доложили своему хозяину. Нельзя! Опасно!

Деревенею от ужаса неминуемой расправы. И молюсь чтобы никто из охрани ничего не понял.

Как доезжаем до дома я не замечаю.

— Приехали. — механический голос спереди. Спохватываюсь, видимо я так провалилась в себя, что не заметила, что машина стоит уже во дворе дома.

Дверь открывается и я выхожу на улицу, хватая хвойную свежесть носом.

— Ваш муж ожидает вас в своем кабинете.

Поднимаюсь по высоким ступеням с неохотой. Потому что знаю, что нас ждет тяжелый разговор к которому я не готова. Не сейчас.

— Почему так долго, — без приветствия недовольно начинает. — Обрадуй меня, дорогая, хорошими новостями. Когда я стану отцом?

— Я не беременна, — стараюсь максимально ровным голосом дать ответ. — Вот назначения, — достаю из сумочки

бумажку и протягиваю мужу.

Он вырывает ее из моих рук и хмуря брови пробегается по ней глазами. У него звонит телефон. А вот и псы со своим докладом. Твари. Его лоб хмурится, пока он слушает звонящего, острый взгляд полосует меня…

— Я же сказал, что нет! Зачем ты мне это суешь? — бумага летит в мое лицо. А я с облегчением выдыхаю незаметно. Может быть я ошиблась и ему говорили совсем не обо мне?

Муж злой и недовольный. Что ожидаемо и привычно. Я знала и была к этому готова. Ну, хотя бы в лицо прилетела только бумага. Это не больно. Переживу.

— Испортила мне настроение, Алина, — хватает рукой за подбородок и поднимает мое лицо выше, прожигает черными глазами. Сканирует. — Иди на верх, мы сегодня приглашены на прием к мэру, приведи себя в порядок и порадуй меня прекрасным видом счастливой жены… и приготовь мне свой рассказ, с кем ты разговаривала в клинике.

Глава 3

Ноги в миг становятся деревянными. Страх окутывает с головой. Холодный озноб студит изнутри, но снаружи я кремень. Фейсконтроль полный. За годы жизни с этим мужчиной я мастерски овладела этим мастерством. Маска невозмутимости и спокойствия. Иначе не выжить.

Слишком часто мне хотелось вцепиться ногтями в его лицо и расцарапать в кровь! Сейчас… пыл спал. Помогли. Говорят, что сильных женщин сломить не возможно. Я бы поспорила. А может быть я просто слабая и никчемная, раз не смогла справиться и отстоять себя.

— Иди, — недовольно рычит господин Месхи и я, отмерев, тут же ретируюсь непослушными ногами на второй этаж.

Я только физически нахожусь тут…

Все мои мысли там… где я нос к носу столкнулась с Климом. Сколько я его не видела? Годы… как он меня узнал? От угловатой неказистой девочки осталось… да ничего не осталось. Веснушки я прячу под плотным слоем тонального крема. Но как он тогда меня узнал? Тону в догадках. Тону в воспоминаниях о нем. В запахе так глубоко проникшем в мой нос сегодня за секунды…

И умираю от безнадежности своей. И радуюсь, одновременно, что он жив и здоров. Интересно, он счастлив? При-

шел в клинику к гинекологу. У него беременная жена? Или уже родила? От такой проскользнувшей мысли… мне тепло конечно.

Я рада, что он счастлив. Заслужил. Пусть хотя бы он будет таким. А я… я привыкла.

И мой муж никогда не узнает, с кем я столкнулась в клинике. И какое место ему отведено в моем сердце, туда не смогла добрать ни одна душа. Там только Клим. Был, есть и будет.

В моей комнате, да да, в моей личной, огромная гардеробная с большим количеством нарядов на все случаи жизни. Ведь господин Месхи любит выгуливать свою зверушку. В те дни когда ему не нужна горячая и на все согласная спутница. Для таких целей у него предостаточно претенденток. Гадость. Почему нельзя и на светские приемы выводить их? А меня оставить в покое. И я бы не вылезала из своей комнаты, где есть маленький кусочек рая, моя отдушина и то, что не дает мне быть совсем ненормальной. На большом теплом балконе моей комнаты находится уголок для творчества. Большой мольберт с холстом, рабочая поверхность стола заваленная баночками с красками и разбавителем, кистями, палитрами. А на стенах моей обители висели мои же работы. За границы этой комнаты они никогда не выходили. Муж говорит, что в доме только работы успешных и признанных авторов имеют место быть. А моя мазня… просто забава безголовой девки.

Распахиваю двери гардеробной. Веду по рядам с вешалками рукой. На многих не сорваны бирки, на белоснежных платьях - чехлы. Весь этот вещевой склад… на вырученные деньги можно было бы содержать, например, приют целый год. Или помочь неимущим и нуждающимся. Но! Я ручная домашняя зверушка, а у таких должны быть разные ошейники для выгула.

Останавливаюсь и не глядя достаю первую попавшуюся вешалку. Как в лотерее. Черный? Отлично. В пол, на бретелях и ологяющее спину до лопаток. Строгое и узкое. Достаю в комплект гипюровые длинные перчатки из тончайшей сеточки. Строгие лодочки. Цвет настроения черный. Все как в повседневной жизни. Но! Светский прием и строгий дресс код! Волосы собираю в хвост и скрепляю фатой из страз.

Макияж без макияжа. Вычурность не про меня. В двадцать пять я выгляжу достойно. Спасибо моей мамочке за генетику.

Из коробочки с украшениями достаю тонкую цепочку из белого золота с сапфировой каплей в подвесочке. Скромно. На таких приемах женщины выгуливают свои лучшие наряды и украшения. Я не люблю сверкать в толпе. Я на них отсиживаюсь в углу и спешу побыстрее удалиться. Налет пафоса и роскоши, бахвальства и хвастовства… фу.

— Ты прекрасна… — вздрагиваю, но в душе. С виду статуя.

Муж ведет кончиками пальцев между лопаток вверх к

шее, обхватывает ее сзади и прислоняет к себе спиной. Прижимает. Через зеркало вижу его жадный взгляд карих глаз с огнем.

Не дышу.

Возле уха, словно зверь, втягивает воздух и ведет носом по волосам.

— Ммм… Киска моя, сегодня я хочу играть, — прикусывает зубами кожу шеи. — Будь послушной девочкой и я тебя награжу.

Сцепив зубы терплю его прикосновения.

Второй рукой сжимает мою ягодицу, прижимаясь возбужденным пахом в поясницу.

— Красивая сука, моя…

— Отпусти, ты испортишь образ, — прошу спокойно.

Он нехотя убирает руку с шеи.

— Поехали. — бьет меня по попе, разворачивается в сторону выхода. — По пути заскочим в одно место. А потом на прием к Шмелеву.

Выдыхаю, когда кортеж трогается с места и муж не слезает с телефона. Он звонит несколько раз подряд, не давая ему приступить к моему допросу о том, с кем я виделась в клинике. Но я знаю, что это неизбежно. Ревнивый тиран и собственник. Я его игрушка, только его. И только он имеет право с ней общаться, играть, портить.

— Женушка моя любимая, что за черт с тобой сегодня встретился в клинике, — обманчиво спокойно говорит, раз-

драженно выключая звук звонящего телефона, — Суки! — злится на звонящих. — Давай, я слушаю, иначе мне все доложит Зуб. Правду Арррина…

— Я не знаю кто это, человек просто извинился за то что нечаянно на меня налетел. Он был с женщиной, она шла следом. — Лгу, пытаясь скрыть правду.

— Точно? — Он резко хватает меня за горло, притягивая близко к себе, — Я ведь проверю… и знаешь, что будет за ложь…

Киваю ему быстро, не отводя от его глаз своих. Хватка с шеи пропадает.

— Приехали, веди себя хорошо, Арина. Ты Месхи, не забывай.

Я немного успокаиваю свое сильно колотящее сердце в толпе чужих лиц. Уговариваю себя улыбаться, здороваться не знаю с кем.

— Пойдем поздороваемся со Шмелевым и его сынком, — тащит за локоть муж в сторону мэра. — Что за хрен с ним стоит…

Я нахожу глазами ту группу мужчин и забываю как дышать. Потому что в их компании стоит Клим.

Глава 4

Арина.

Компания солидных мужчин в костюмах и белоснежных рубашках с первого взгляда выделялась не сильно, но если присмотреться… сразу понимаешь, что перед тобой не обычные офисные клерки, а сильные мира сего. И среди них стоял он… мое детское наваждение. Тот, кого я хранила в сердце бережно и нежно на протяжении почти всей жизни.

Тот, кто когда-то просто принес мне отобранную у дворовых мальчишек мою куклу сел рядом и всунул ее в руки. Потрепал мои светлые волосы выбившиеся из косичек и подмигнув, скрылся за подъездной дверью.

Тогда, много лет назад, я еще не знала, что такое любовь. Не испытывала. И… испытала. Испытала на полную катушку. Видя его каждый день на спортивной площадке играющим с друзьями в мяч. Потом вечерами, слыша брынчание гитары и нестройный ряд голосов подпевающих музыканту. В компании с мамой, идущей с работы, а сын нес ее тяжелые пакеты из ближайшего супермаркета.

После случая с моей куклой прошло время. А он при встрече со мной все так же хитро подмигивал, будто помнил.

Когда я в первый раз разбила коленку катаясь на роликах, Клим опять был рядом. Помог дойти до скамейки и сбегал на соседскую клумбу, приложил подорожник к ране и сказал: «

До свадьбы заживет, Веснушка» и дернул меня за косичку. А потом помог дойти до квартиры. Сам же сказал, что живет в соседнем подъезде. А я уже это знала. Просто глаза опустила и промолчала. « Пока Веснушка, не падай больше» и скрылся на лестнице сбегая вниз.

Вот так он стал моим защитником в нашем не очень дружелюбном дворе на окраине города.

— Добрый вечер Андрей Иванович, — муж протягивает руку для приветствия с мэром, — Прекрасный прием, с удовольствием поучаствую в благотворительной акции. — Моя жена, Арина. — представляет меня.

И я отмерев скольжу мутным взглядом по присутствующим, останавливаясь чуть дольше на Климе.

Звуки вокруг сливаются в фон и я даже не слышу диалога мужа и мэра. Я смотрю из под ресниц на Морозова и воскрешаю в памяти последнюю встречу с ним. Сравниваю потертые больные воспоминания с тем, что вижу сейчас.

Другой, но в тоже время тот же.

Шире в плечах стал и взрослее намного. Нет юношеской угловатости и худобы. На лице просвечивается щетина, которой раньше не было, так… три волосинки торчащих.

Я ощущаю, что меня тоже рассматривают. И чуть приподняв голову, вижу что Клим участвующий в разговоре бегло бросает взгляд на меня. Совсем быстрые и ничего не значащие прикосновения глаз ко мне, так сильно разгоняют кровь по венам, заставляя сердце учащенно биться и … волновать-

ся.

Я замужняя женщина. Семь лет живущая с мужем под одной крышей, носящая его фамилию и за его счет. Почти… мое наследство странным образом перекочевало в его лапы. С условием, что я смогу к нему прикоснуться только когда рожу первого ребенка. До тех пор Гела руководил деньгами доставшимся мне от папы.

Мысли не остужали воспаленный ум. Неминуемый разговор с мужем заставлял сжаться от ужаса и того наказания, которое я могу понести. Его церберы по-любому нароют сведения. Он никогда ничего не упускает из поля своего зрения.

— Я отойду, — шепчу ему на ухо и хватка его пальцев исчезает с моей кисти.

Плутаю среди нарядной толпы в поисках туалета. Вдруг ощущаю крпкую хватку на запястье дергает меня в сторону темного пустого коридора и через пару метров я оказываюсь в служебном помещении среди сваленных стульев. Дверь закрывается и массивная спина обтянутая черной тканью поворачивается .

— Клим… — голос срывается на отчаянный шепот. Будто не верю до сих пор, что он передо мной. Обнимаю себя руками, не зная как согреть в миг озябшие плечи. Мне холодно изнутри и жарко, одновременно.

Глава 5. Клим.

— Клим, я тебя жду сегодня в шесть, ты понял? Попробуй только не явись, я тебя друг милый из под земли достану и из любого твоего казенного каземата! — Шмель ржет в трубку, — Откланиваюсь, но ты понял, да? Тебе будет полезно своими глазами посмотреть на все это…

Трещу с другом по телефону заходя в медцентр чтобы встретиться с еще одним давним знакомым.

Доля правды в словах Шмелева есть, потому что попасть туда… мне реально не помешало бы. А тут такая удача! Как не воспользоваться случаем.

Пощекотать нервишки. Я по адреналину соскучился адски. В моей работе его, конечно, по самые яйца, но… сравнить с прошлым не могу. Да и тут… вылазка на барский прием в пижонском прилизанном костюме… тот еще геморрой. Но морды заявленные в списках, очень привлекательны.

Все ближе к двери с табличкой Туманов И.В. И все больше широких мордоворотов в коридоре в перемешку с пузатенькими девочками, усиленно жмущимися к стеночке рядом с ними. Каким нужно быть придурком чтобы допустить такую армию в женской консультации! Злюсь. Или у Тумана на приеме королева Елизавета? Или первая леди? Или в соседнем кабинете? Не поймешь.

Хмурые взгляды шкафов становятся еще более хмурыми

когда я тянусь к двери чтобы постучать и практически получаю ею по лбу. Ловлю хрупкую тонкую фигурку за талию не давая ей завалиться назад и упасть на попку. Больно же! Девочка…

— Аккуратнее, девушка, — комментирую, а сам неосознанно тяну воздух рядом с ее белобрысой макушкой.

Цветочная… феечка… легенькая, маленькая.

Спиной ощущаю как напрягаются шкафы. Это на интуитивном уровне. Вшито на подкорку так, что до последнего вздоха не исчезнет.

— Клим, — выдыхает она. И я, блять, глазами врезаюсь в нее, сильнее. Понять происходящее и кто она… а когда она приподнимает голову и смотрит на меня, я ныряю. В голове картинками всё. И таких глаз я не видел миллион лет. Потму что их необычное сочетание настолько редкое… что встретить подобные в жизни второй раз это как гребенная лотерея. Они синие, синие настолько, что океан меркнет рядом! Вглядываюсь в радужку, но следа линз нет.

На лице едва уловимая россыпь веснушек… синие глаза, белые волосы и меня прошибает. Прибивает.

— Веснушка, — выдыхаю, встречаясь со своим прошлым. Таким счастливым и беззаботным.

Воздух между нами пропитан цветочным запахом. И вот она рядом… я так хотел увидеть ее когда вернулся домой.

Девчонку со смешными косичками и грозовым ярким небом в глазах. Она просочилась в нашу семью так сильно

и до невозможности крепко, что я из армии письма писал и ей привет передавал. Звонил и спрашивал у матери, как там Веснушка. Не обижает ли ее кто?

Пока не попал в такой замес…из которого не мог выбраться больше полугода. А выбравшись узнал, что меня похоронили, с почестями матери медаль на подушечке отвезли и берет мой

Не осталось от тебя Клим даже мокрого местечка… только медаль и берет. Краповый.

Спиной ощущаю как шкафы подходят ближе и отпускаю Веснушку из своих рук, успев еще раз глотнуть цветочный запах.

Секунда и она в окружении мужиков удаляется по коридору как и не было ее…

— Туман, — захожу в кабинет к другу и дверь закрываю, делаю вдох, а тут цветами пропахло…

— Привет, Клим. Ты мне чуть клиентку не зашиб.

Здороваемся, он садится дальше строчить свои писульки, а я умещаю свою задницу напротив его стола. И пытаюсь разобрать что же он там пишет. Сука… ну и подчерк! Мне бы узнать о ней…

— Ты во мне дыру протрешь. Давай выкладывай, что хотел.

— Кто это был?

— Где? — притворяется или придурок?

Хочется ответить в рифму, как я люблю, с юмором и прям

по теме, но…

— Только что, тут.

Кладу руки на стол и внимательно слежу за другом.

— Пациентка. — Отвечает и продолжает заполнять доки.

— Мне из тебя клещами все тащить? — начинаю злиться, — Кто она? Как фамилия? И зачем приходила?

— Ты придурок? — приподняв бровь, уточняет, оторвавшись от бумаг. — Или ты не видел с какой она свитой ушла? Это Климка, вип клиент нашего центра. И разглашать я тебе ничего не буду. Не имею права. — разводит руками.

— Вот ты сука, друг. — нахмуриваюсь.

Туман встает и отходит к окну.

— Погода нынче охрененная. Вывезу Ольку в парк. Только титульник, — добавляет между делом.

Вот жучара…

Беру доки, что он заполнял и пытаюсь понять, что там накалялкала эта светила медицины.

— Минута и у меня следующая пациентка, Клим. Но погодка… Хочу за город. Надо на выходных съездить. Поедем? Банька, шашлыки…

Бегаю глазами по карте пропуская мимо ушей его болтовню. Так, только имя и отчество с фамилией. Замужем. Так… в остальное я, конечно, не полезу. Совсем личная информация. А вот адрес. Адрес я запоминаю.

— Спасиб бро, — прерываюсь когда в дверь тихо стучат. — Как тесть?

— Нормально, на реабилитации. — поворачивается ко мне.

— На связи, — жму ему руку, — И, спасибо.

— Сочтемся.

В машине кручу в голове ее фамилию. Знакомое что-то. На слуху. Не могу понять где ее слышал. Но точно она мне знакома.

Месхи… Месхи… Месхи…

— Клим блять, — Шмель врывается громким голосом на весь салон. — Давай быстрее, опаздываем, как барышни на свидание. — орет из колонок. — Я уже у тебя под подъездом.

— Да подъезжаю я! — тоже ору и злюсь, потому что он мешает мне думать.

Глава 6. Клим.

— Гад ты Шмель, не мог найти себе телку для сопровождения? Если бы я знал, что нужно костюмчик на себя напяливать… — друг жрет как ненормальный, косясь на меня в пиджаке. — Я его сто лет не носил. И он мне жмет в плечах.

— Буран, заткнись уже. Походим тридцать минут среди толпы, поглазеем на девочек и срулим. Ты обещал, не давай заднюю.

Да я собственно и не собирался. Так уж и быть, потрачу свой единственный выходной за месяц на тусню среди толстосумов. С пользой конечно. Есть среди таких небожителей лица, которые для меня интересны.

— Откуда в нашем городе столько жаждущих потратить деньги? И где тут можно пожрать? — Шмель продолжает ржать, прикрывая рот кулаком.

Мы приехали в фешенебельный банкетный зал, нас встретил швейцар и забрав ключи от тачки, « передал в руки» следующему швейцару, на красной дорожке. Благо фотокамер нет.

— Это возможность показать свое благосостояние, — Шмель с серьезными щами парирует мне, но ответ я не ждал, прекрасно понимая суть таких мероприятий.

Засветить мордами, наладить контакты, похвастать своими спутницами и доходами. Щелкнуть по носу всем, кому

можно и нужно.

Мне тут точно не место. Не люблю я такое. Мне бы в бар, с мужиками. Или в баньку за город.

Или на байке прокатиться наперегонки с ветром чтоб лишние мысли из головы выветрились. Чтоб адреналин в крови бурлел.

— Скукота.

— Поздороваемся с отцом и помчим, мордой светанул и я свободен. С меня пиво. — Самодовольно лыбится.

Мы подходим с другом к паре мужчин в дорогих костюмах. Я с отцом Шмеля лично не знаком, но кто не знает мэра города в лицо? Правильно, я уж точно знаю.

— Добрый вечер, отец, Иван Алексеевич, — Шмель здоровается с мужчинами за руку. — Мой друг, Клим Морозов, — представляет меня, словно барышню… пздц.

Пожимаем руки, отмечаю на автомате, что мужики пронизывающим внимательным взглядом осматривают меня, незнакомца, чужака и продолжают обсуждать биржи, уровень безработицы и социальные программы - обычные темы для сильных мира сего. Шмель без инициативы ввязывается в разговор, но ему нужно пробить свою тему: приют для собак и найти спонсоров для содержания, плюс отстоять ту землю, которую он присмотрел для него.

Я не вникаю в светские беседы, скольжу глазами по толпе скучающих дам, отмечая что на них как на новогодних елках украшений навешано. Снующие официанты уносят подносы

с пустыми фужерами в служебный коридор, а новая партия белых вышколенных воротничков выносят новые, с наполненными фужерами.

Жрать охота… я б сейчас съел порцию вкусного мяса… где тут фуршетные столы?

— Добрый вечер Андрей Иванович, —я пропустил момент когда к нам сбоку подошла пара, мужик с зализанными волосами и легким акцентом. В строгом костюме…— Прекрасный прием, с удовольствием поучаствую в благотворительной акции. Моя жена, Арина. — после этих слов перевожу глаза на его спутницу и охреневаю за сегодня второй раз. Потому что рядом с этим мужиком стоит Аринка-картинка. Веснушка. Феечка.

Совсем другая. Красивая, статная, эффектная. Очень привлекательная. Молодая женщина.

Я ее помню девчонкой с косичками. Угловатой и худенькой, доброй, приветливой. Общительной. Мы ее часто к себе домой в гости приглашали. Она с мамой моей очень дружна была.

А теперь она чья-то жена.

Столько лет прошло.

И мне пиздец как нужно узнать про нее все. Как она живет, где, счастлива? Исполнила ли свою мечту стать художницей…

Я еще больше утверждаюсь в своем намерении, заглянув в ее тревожные неравнодушные глаза.

Не рискую при всей компании поздороваться с ней отдельно. Пожимаю потную руку ее мужу. Отмечаю, что он намного ее старше. Сколько ему. Лет сорок? ладно, проверим.

Стараюсь вникнуть в разговор мужчин, по крайней мере демонстрирую это, а сам слежу как Аринка наклоняется к мужу и шепчет что-то своими алыми губками. Он разжимает руку и она отходит в сторону, извинившись.

Слежу как коршун за ее перемещением и когда она сворачивает за большую колонну, незаметно покидаю компанию мужиков и следую в ее направлении.

Белобрысая фигурка в черном платьице останавливается, осматривается и идет дальше. Людей становится все меньше и я уловив момент хватаю ее за руку и тяну в первую попавшуюся дверь с надписью склад.

Глава 7

Арина.

Его внимательные, словно рентген, глаза молча исследуют меня с ног до головы, будто убеждаясь, что я это я.

Он изменился. Вновь отмечаю.

В семнадцать, высокий и не по годам, атлетично сложенный парень, стал еще более внушительным сейчас. Мужчиной. Сглатываю, внезапно ставшую горькой, слюну. Сожаление о том, что мы «потерялись» накрывает с головой.

В прошлом я бы кинулась к нему на руки, вереща от радости и крича, как я соскучилась.

Сейчас… мы чужие люди, случайно встретившиеся спустя чертову кучу лет.

Нет во мне той детской девчачьей искры. В Климе нет… ничего прежнего. Закрытый, угрюмый. Незнакомец.

Мы стоим друг напротив друга в тесноте пыльной каморки заставленной ненужными вещами.

И я не понимаю для чего он меня сюда затащил.

— Привет, — ровный бас с хрипотцой.

Он словно хищник рассматривает меня.

— Привет, — отбиваю в ответ, скрывая дрожь.

— Как ты… поживаешь? Арина. — Тянет гласную в имени так знакомо, как раньше, будто не терялись мы на десяток лет.

— Ххорошо, — отвечаю, не отводя глаз от его мужественного лица. Впитываю его нового, не знаю зачем. Каждую морщинку и колючую щетину, очертания губ, складку на переносице, пульсирующую венку на шее. Кадык.

Раньше… да что раньше?! Передо мной мужчина, а не юноша с только намечающейся порослью на лице и светлым, добрым взглядом глаз.

— Я тебя искал.

— Зачем? — быстро выпаливаю, ощущая как встрепенулось сердце в груди, в ребра врезаясь.

— Как зачем? Я вернулся, а вас нет. Я хотел тебя увидеть.

— Мне сказали, что тебя нет. — Шепчу сбивчиво, окунаясь в тот момент. Ладонью рот прикрываю, лишь бы не выдать дрожь свою.

Когда родители пришли в мою комнату с прекрасной, по их мнению, новостью о переезде в просторный дом в новом престижном поселке в пригороде. Радости они не увидели. Я была против, категорически. Мне не хотелось переезжать, менять школу, тольк появившихся подруг оставлять, теть Машу, к которой я бегала каждый день. Я не хотела роскоши, богатств и новой красивой жизни. Я хотела всем сердцем остаться в своем старом дворе в окружении тех дорогих для меня людей.

Но кто спрашивает тринадцатилетнюю девочку чего они хочет?

В один день грузчики собрали все, что указал отец, мое

добро уместилось в один рюкзак, сама складывала дорогие сердцу вещицы. «В новой жизни нет места старью» — так он говорил ни единожды, отбивая мои попытки и уговоры взять хотя бы еще что-то.

В новом огромном доме у меня появилась просторная своя комната. Красиво обустроенная руками модного дизайнера. Даже с отдельной личной ванной, гардеробной, балкончиком. Для чего мне это было нужно? Кто спрашивал?

Папин бизнес и положение в обществе обязывали успешного бизнесмена проживать в крутом поселке и иметь красивую жену и прилежную дочь.

Даже у мамы в помощниках появились: кухарка, домработница и садовник. Она молча принимала реалии новой жизни, старалась, меня уговаривала быть более терпимой и искать плюсы.

Какие плюсы? В чем? Обсуждать с компанией одноклассниц кто где отдыхал летом, где шопился, что сегодня в моде, а что отстой? Чьи родители обанкротились…

Ничего не радовало.

Я не хотела там жить.

Несколько раз ездила в старый двор, вместо учебы в элитной гимназии, прогуливала.

У тети Маши проводила день: помогала готовить домашние вареники, бантики из оставшегося теста, она меня блины печь учила… рассказывала со слезами материнскими, как Клим служит и письма пишет, что скучает по нему.

Пока родители не узнали и не приставили ко мне водителя, который отвозил меня на учебу и привозил обратно. Дорога в родной старый двор на другом конце города для меня стала закрытой.

А потом папа мне сообщил, что Клим погиб. Показал статью в газете с новостью и, все…

Я бы рада была не верить. И не верила! Не верила до того момента как ему домой вернуться. А он не вернулся. Я нагло сбежала из под носа водителя, летела к теть Маше, а соседка сказала, что она в деревню к сестре уехала еще месяц назад и, что Клим больше не вернется сюда, никогда.

Брела домой размазывая слезы по лицу. Все равно было на наказание, запреты, яростный крик отца, укоризненный взгляд матери.

Мне было все-равно на всё и всех. С головой ушла в учебу, тихо оплакивая свое разбитое сердце. Не обращала внимания на буллинг со стороны своих одноклассников. Издевки, подколы. Я обросла толстой кожей, словно броней. Подбородок повыше и вперед!

До самого одиннадцатого класса.

— Мне сказали, что тебя нет, понимаешь?! Газеты, соседка, отец - все твердили, что ты больше не вернешься никогда! Я приезжала к тете Маше, не застала ее дома. Как ты меня искал, если я никуда не девалась из этого проклятого города! — смотрю на него, вглядываюсь в каменное лицо не выражающее эмоций и еще больше убеждаюсь в сво-

ей правоте. — Как? Не ври. Зачем тебе была нужна сопливая девчонка вздыхающая по тебе в детстве? — Мне хочется ему все сказать. Вывалить на него горькую правду и свою боль. Несправедливость. — Знаешь, что такое для девочки потерять единственного друга? — прерываюсь и, набрав побольше воздуха в легкие выдаю: — Хорошо я живу. А ты? Семья, дети? — спрашиваю и с замиранием жду ответа, потому что… потому что… его «Да» оно такое… прогорклое, горькое, долгоиграющее, до липкой слюны во рту и влажных ладоней. И… закономерное. Взрослый мужик же!

— А ты как думаешь? — спрашивает, приподняв бровь.

— Никак не думаю, мне … — осекаюсь, — Я буду искренне рада, — вру ему и себе! — Если ты реализовался… — не найдя подходящего слова, рукой воздух рассекаю, — во всем.

Он снисходительно улыбается, холодно так, что его взгляд пронизывает меня с головы до кончиков пальцев ног.

— На все твои вопросы у меня один ответ - нет. — Пришибает правдой.

И мое сердце в пятки сваливается. Просто с треском рвет ниточки в груди и с грохотом валится вниз. Мне кажется, его даже Клим слышит, грохот этот.

И в голове появляются куча «Почему?» , я с силой удерживаю их в себе.

Обнимаю себя за плечи ища выход из ситуации. Мне опасно задерживаться долго. Муж может начать меня искать.

Сколько я отсутствую? Не знаю. Время обманчиво рядом с Климом.

— Я хочу с тобой увидеться в другом месте. Чтобы нам никто не помешал нормально поговорить.

— Зачем?— Срывается с губ.

— Странный вопрос… — кривит губы в улыбке.

— Мне пора, не хочу чтобы нас увидели.

— Ты чего-то боишься, Арина? — будто мысли мои читает.

— Нет, — поспешно отвечаю и вижу, что его ответ совсем не устраивает. — Я ничего не боюсь.

— Ну, — отходит от двери, — Тогда беги, Веснушка, беги.

И я бегу.

Глава 8. Буран.

Испуганные огромные глаза не позволили надавить, узнать больше, в ее жестах и ответах слишком много маячков. Нехороших таких, сука, флагов.

Но, я буду не я если ничего не узнаю. Сам.

Фамилия мне ее известна.

Выхожу из подсобки спустя несколько минут и в коридоре встречаю тольку сотрудников заведения, бегут в свободные минуты к служебному входу покурить. Салаги.

В общем зале душно. Нет, система вентиляции справляется с задачей отлично. Просто от обилия селебрити и толстосумов тут неимоверно отстойная обстановка. Улыбки и приветствия мужиков, в глазах которых зоркий огонь. Дамы облизывающие мужчин помладше сальными взглядами и нарочито громко смеющиеся над шутками своих подруг.

Дно. Просто дно.

Бедный Шмель. Теперь я его понимаю как никто другой. Вертеться в таком обществе то еще испытание. Лучше провести время с пользой и кайфом для себя, посидеть с пацанами в баре. Проветрить мозги на байке или поколотить грушу. Ну и долбящие басы проникающие за грудину и распускающие низменные инстинкты… красивые девчонки в клубе готовые на все… вот это жизнь.

Скука? Нет, не слышали.

Плюсов моего просранного вечера в даном месте тоже предостаточно.

Во-первых, я встретился с Веснушкой. Это совпадение, два раза за сегодня, или судьба, не знаю. Во-вторых у меня появилась возможность «погулять» среди лиц, которые я встречаю в документах на работе.

Месхи…

Достаточно знаменитая фамилия.

У меня фотографичная память. Но о нем ничего не знаю. Грузинская, громкая. Все. Но… покопаем. Мне уже интересно чем занимается муж Веснушки. Попасть на благотворительный вечер где лотами служат драгоценные украшения авторской работы… не для шаурмичника или торгаша с Садовода.

— Где ты был? Я думал ты уже слился. — Шмель встречается мне у фуршетного стола.

Я невозмутимо накладываю полную тарелку всяких непонятных закусок.

— Ты слепой, бро? — выгибаю бровь. И закидываю одну канапешку в рот. — Что это? — морщусь от непонятного вкуса. Выплюнуть бы, по сторонам оглядываюсь, но вокруг народу полно. Ладно, с трудом проглатываю и уже более дотошно рассматриваю следующую закусочку. — Поехали, пожрем в нормальном месте.

Выхожу на улицу и осматриваю парковку. Да тут машин, самая скромная, наверное, у Шмеля. Майбахи, порше, мер-

седесы, бентли…

— Брат, я пас, меня на работу вызывают. Крупный пожар. — Шмель догоняет меня и спешит к машине. — Сам доберешься? Могу подкинуть только…

— Езжай, — перебиваю его. — Взрослый мальчик.

Друг, взвизгнув шинами уносится с парковки. А я…. А я решаю вернуться в зал ненадолго. Я хочу немного побродить среди этого блеска…

Глазами быстро нахожу нужного человека. Он увлеченно говорит с каким-то седовласым мужиком славянской наружности, скупо жестикулирует руками. Кивает головой, соглашаясь. А рядом с ним топчется и, судя по незаинтересованному, блуждающему взгляду, скучает, Веснушка.

Как сильно она изменилась. Столько лет прошло, а мне хватило одного раза заглянуть в ее лицо, встретиться с глазами насыщенного василькового цвета, что сразу же понял, кто передо мной. Будь она в балаклаве закрывающей лицо, то я бы узнал глаза. Большие, выразительные, смотрящие прямо в душу. С темными крапинками по радужке.

Она ко мне в детстве с куклами бегала. Сидела рядом и играла, пока я с ребятами на турниках висел или мяч гонял. Потом с учебниками прибегала. «Помоги решить задачку Клим» — глаза как у кота из Шрека. С мамкой моей контакт нашла. Готовили там что-то, пока ее родители на работе были. Тихие, уютные ужины в ее компании и мамы. Она, словно, членом нашей маленькой семьи стала, и так незамет-

но, ненавязчиво. Смешные косички, веснушки, летом рассыпающиеся на щеках. Смех, хрустальным звоном, растекающийся по нашей крохотной квартирке…маленькие девчачьи босоножки у двери…

Как такую не защищать? Вот я и не понимал этого. Кто обидит - сразу получает в бубен. Все во дворе знали, что Аришку трогать нельзя. Иначе Мороз ребра пересчитает.

А потом закрутила меня бешенная юность. Гормоны жили и руководили мною. Тусовки, подработка, учеба. А потом армейка. И все. Пропала с моих радаров Веснушка.

Все женщины тут роятся своими компашками. Одна Аринка от мужа не отходит и ей это точно не нравится. Все не нравится. Некомфортно? Скучно? Вся ее поза об этом кричит.

Узнаю все, Веснушка. Не отвертишься от меня.

В кармане вибрирует телефон. «Шкурнадзор» на связи. Ребята уже в колокол звонят, обыскались и накидались, судя по фото пустых тар на столе.

Я: « Скоро буду»

Барс: «Пиздец ты быстрый»

И куча ржачных лайков

Как ни странно, но все в сборе: Барс, Гроза, Байт, Омут, Молот, Турист, Леший. И даже Ванька смог с Серегой.

По пути быстро переодеваюсь в джинсы и футболку и сев на байк несусь к мужикам.

Глава 9

— Тебя только за смертью посылать, Буран, — ржет Гроза и жмет мне руку, протягивая ее через весь стол.

— Да ладно, гля причесон какой у него модный. Где был? — Барс посмеивается, попивая пиво.

Падаю на свободный стул и даю знать официатке, что жду заказ.

Мы тут завсегдатаи и персонал знает наизусть позиции меню для нашего стола.

— Пиздец. Че, я был на светском мероприятии. — Скалюсь, подергивая бровью. Закидываю орешек в рот. Жрать пиздец как хочется.

— Где? — брови Омута взлетают от удивления.

— Где - где. Там, — указываю пальцем вверх и закидываю сухарик в рот.

— На Олимпе? — покатывается со смеху

— Мда, примерно. Поздоровался с мэром этого города, читать с богом, — уточняю на серьезных щах, — и посмотрел на морды самых влиятельных прихвостней нашей верхушки. Послушал их кулуарные разговоры. Посмотрел сколько бабла они готовы спустить на «благотворительность». Ну и… — обрываю сам себя на этом месте. Веселое настроение сразу катится в строну серьезного, к которому я перманентно привык за годы службы.

Вот такие вылазки у нас очень редкие. Чтобы всем составом.

— Девушка, — зову официантку, — Принесите пожалуйста стейк с кровью и картошку фри, двойную порцию. И безалкогольное пиво. Его побыстрее, — прошу ее, — Мужики, будете что?

Официантка уносится на кухню сверкая пятками в белоснежных кедах и виляя тощей задницей в клетчатой юбчонке.

Молодая совсем, дуреха. Ну кто так выряжается в пабе, где полно бородатых, страшных дядь? Сейчас они пивка закажут, а потом у тебя все округлости исследуют, руками.

Через мгновение запотевшая кружка уже стоит передо мной.

— Че завис? Давай чокайся. Своим компотом. — Байт как всегда, немногословен и слишком серьезен.

Мужики опять ржут, звон кружек разносится на весь зал и я, наконец-то, расслабляюсь.

— Как служба, ребят? — интересуется Батя.

Командир нашего расформированного отряда спецназа. Пусть мы сейчас не получаем от него порции положенных пиздюлей и он не гоняет нас по этажам здания на тренировках. Пусть не ставит нас в спарринги один против троих. Он наш Батя. Всегда интересуется нашими карьерами. Да что уж таить, банька у него за городом просто огонь. А стряпне его жены, любой ресторан позавидует. Собираться часто нам

не удается. То один в командировке, то другой. То вызова, то оперативка. Раз в месяц если увидимся, отлично. Полным составом мы не заседали уже пол года точно.

Нестройно мычим - нормально… Батя, ожидаемо хмурит, и без того густые и близко посаженные, брови.

— Пойдемте покурим, — молчаливый Турист поднимается со своего стула. — Бать, выйди воздухом с нами подыши.

— Небо в городе не такое красивое как за городом, — выдыхая густой белый дым, Батя вновь заводит шарманку.

— Буран, — Барс тихо зовет, — У меня вопрос к тебе есть. По твоей службе.

Мы отходим чуть в сторону, метра на два от остальных, останавливаемся у широких длинных перил. Опираюсь на них ладонями.

— Мне тут инфа прилетела. Про посылки с юга. Крупные посылки и регулярные. И… фамилия одна. Месхи. Ты знаешь кто это?

В процессе того, как Барс вещает я сжимаю пальцами перила все сильнее. Служба в спецназе развивает очень сильную интуицию. И сейчас мои локаторы буквально взрываются от получаемой информации.

— Хм, — выдаю, — Да. Спасибо за инфу, я уже слышал эту фамилию. И не только слышал, но и общался с ним. Имени не помнишь?

— Нет, там не было имен, только фамилия. — Барс качает головой. — Если я что-то еще узнаю, то дам тебе знать.

— Хорошо, я завтра посмотрю последние сводки. Плюс у нас там парочка закладчиков сидит. Побеседую. А ты не знаешь какого рода была посылка?

— Нет. Вот этого не знаю. Но мне кажется. Если посылка крупная, то это может быть и порошок и не только. У них тут сбыт налажен. Это сто процентов.

— Сука, — цежу сквозь зубы, — Еще Веснушка там, блять.

— Кто? — непонимающе спрашивает Барс.

— Да так, — ухожу от ответа. — Прошлое. — цежу себе под нос.

Прошлое, которое всплыло так внезапно и раскачивает полный штиль, превращая его в буран.

Глава 10

Арина.

Еду домой в полной тишине и одиночестве. Слава всем богам. У меня есть возможность побыть одной и подумать.

Гела посадил меня в машину и велел ехать домой, у него внезапно образовались важные дела.

Знаю я эти дела. Они названивают ему достаточно часто. Некоторые, более смелые, докучают меня в мессенджерах. Присылая фотографии «дел» мужа. Меня это не трогает. Давно. И в глубине души я им благодарна. Пусть дела занимают внимание моего мужа как можно чаще и дольше. В эти моменты я дышу свободнее и даже улыбаться смею.

Нервно потираю запястье, фантомно ощущая прикосновения Клима на нем. Я смогла рассмотреть его лучше, чем в клинике. Он… изменился. Наверное, встреть я его в толпе, узнала бы не сразу. Ведь с того света не возвращаются, верно? Я бы подумала, что сошла с ума. Галлюцинации.

Но нет, он со мной сегодня разговаривал наяву. Не во сне, как я привыкла. машина плавно тормозит у ворот нашего дома. И дождавшись открытия их, заезжает во двор.

— Не нужно, я сама, — отказываюсь от помощи водителя и выбравшись из авто ступаю на мощеную плитку тут же вспоминая, как сильно натерла ноги в неудобных новых туфлях.

Дожидаясь пока автомобиль скроется за поворотом, скидываю обувь и, поставив их на лестницу центрального входа, сворачиваю в сторону сада. Летняя прохлада ночи окутывает плечи, запуская непослушные мурашки гулять по коже открытых плеч.

Останавливаюсь у кресла кокона, забираюсь в него с ногами. Откидываю голову на подушки. Зажмуриваюсь сильно -сильно. Медленно дышу приводя взволнованные мысли к порядку.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Мама всегда мне говорила, что горячая голова и эмоции не лучший советчик. Мой закипающий мозг лихорадочно ищет спасение во всем. В тишине, одиночестве.

В этом доме я пленница.

Лена, одна из моих однокурсниц в университете, часто удивлялась тому, что я не рада своему положению, большим счетам в банке, роскоши, что доступна всегда и везде. Лучшие куротры мира, драгоценности, громкая фамилия, представительская машина с личным водителем и охраной…

Она была рядом со мной, пока я не увидела ее на фотографии, с моим мужем. Получила что хотела?Дура, таких он ест на завтрак, обед и ужин. Попользовался и выкинул, вернувшись в идеальную жизнь.

Мало кто знал, точнее, никто, что я всего лишь игрушка в руках умелого кукловода. Да, я занимаю центральную роль в его коллекции, но не более.

Так что роль хозяйки в этом замке мне никогда не принадлежала.

Запрокидываю голову в ночное небо, в свете желтых тусклых ночных фонарей, звезды отлично просматриваются.

« Я хочу свободы» — загадываю желание, увидев падающую звезду.

« Я хочу быть с.. любимым» — еще одно.

Веснушка… — фантомный голос в голове. Он такой… изменившийся. Мужественный и низкий.

Я вздрагиваю, оглядываясь по сторонам, но никого не вижу. Только тишина ночи и шорох листьев на ветру. Может, это просто игра моего воображения? Но голос звучал так реально...

«Кто здесь?» — шепчу я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Ответа нет, только эхо моего собственного голоса. Показалось…

Встаю с качель и обняв себя за плечи иду к дому. Подцепив туфли, поднимаюсь по ступеням. Меня встречает тишина и полумрак. С грохотом ставлю обувь на каменный пол и поднимаюсь наверх по большой белой лестнице.

Этот дом как музей. Многочисленные антикварные предметы. Часы, подсвечники, люстры. Даже мягкая мебель обманчиво простая в первого взгляда стоит баснословно дорого.

Светлые ковры на полах стоят столько, что можно было бы прокормить десяток семей пару лет.

Обманчивая красивая картинка для гостей, которых так обожает принимать Гела. Демонстрировать пример идеальной семьи.

Но за этой красивой картинкой скрывается моя личная тюрьма. Я чувствую, как стены этого дома сжимаются вокруг меня, лишая меня воздуха. Каждый день я играю роль идеальной жены, улыбаюсь гостям, поддерживаю разговоры, но внутри меня бушует буря. Я мечтаю о свободе, о жизни, где я могу быть собой, где я могу любить и быть любимой.

Поднимаюсь в спальню, где все так же безупречно, как и в остальных комнатах. Но эта безупречность только усиливает мое чувство одиночества. Я подхожу к окну и смотрю на ночное небо. Звезды мерцают, как напоминание о том, что где-то там есть другая жизнь, жизнь, которую я так отчаянно загадывала в саду на качелях.

— Когда же это закончится? — шепчу я, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Но я знаю ответ. Гела никогда не отпустит меня. Он слишком любит контроль, слишком любит эту иллюзию идеальной жизни. И я — часть этой иллюзии. Часть иллюзии… я устала быть декорацией показного благополучия, но вырваться из нее самостоятельно у меня вряд ли получится. Это как бег по кругу, бежишь из последних сил, а он не заканчивается, конца и края не видно.

Телефон издает звук пришедшего сообщения. Достаю его из маленькой сумочки и снимаю блокировку.

Сообщение с неизвестного номера, помешкав секунду, от-

крываю и вновь наблюдаю одну и ту же картинку. Гела в компании мужчин, рядом с каждым шикарные девушки в откровенных нарядах. Стол, кальян, приглушенный свет. Несколько кадров. Смена поз эскортниц. Дальше идет видео, я даже смотреть не буду. Ничего не меняется…

Но я не могу больше так жить. Я должна найти способ вырваться, найти свою свободу, даже если это будет стоить мне всего. Ведь жизнь без свободы — это не жизнь. И я готова бороться за свою мечту, за свою свободу, за свою жизнь.

Глава 11. Буран.

Разминаю затекшую шею и забросив перчатки в сумку, цепляю полотенце и иду в душ.

Контрастный душ успокаивает напряженные мышцы и приводит мозги в порядок, расставляя по местам мысли и последовательность моих действий в новых реалиях и с новыми вводными по Веснушке.

Пробив информаци по ее мужу я слегка прихуел. Мягко сказано. Он, оказывается еще тот… мудлан.

Пока оперативники собирают нужную информацию по кругу общения Гелы, я могу сам найти некоторые ниточки. Адрес проживания четы Месхи у меня есть. Телефон Веснушки тоже есть.

И выйдя из спорт клуба набиваю ей сообщение: « Привет Веснушка».

Гипнотизирую окошко мессенджера и по привычке отсчитываю секунды. Две, три, пять. Двойная галочка, сигнализирующая, что сообщение прочитано появляется.

Десять, пятнадцать, двадцать пять.

Пока я ждал ответа, сердце колотилось в такт времени, словно пробивая ритм ожидания. Каждая секунда казалась вечностью, и в голове крутились мысли одна страшней другой. Интуиция, разум, привычно склонные к рациональному, начинали рисовать мрачные сценарии, полные неприят-

ных подробностей.

Я проверил, правильно ли ввел номер, и снова взглянул на экран — никакой реакции. Тем временем вокруг меня потихоньку начинала кружить вечерняя жизнь. Мимо проносились люди, кто-то громко смеялся, кто-то увлеченно говорил по телефону, а я вдруг почувствовал себя в этом потоке лишним.

Не дождавшись ответа, я толкнул себя к действию. Если Веснушка не отвечает, это не значит, что мне следует сидеть сложа руки. Я хочу знать о ее жизни после ее переезда из нашего двора. Я хочу знать все. Чем она дышит, чем живет.

В салоне я настраиваю GPS, и моя рука чуть дрогнула, когда наткнулся на фото черты Месхи в галерее. Арина улыбалась — такая яркая, такая живая. Никаких предпосылок для моей тревожной интуиции. А тут она просто бьет набат. Я привык ей доверять.

Дорога к дому Месхи занимает не больше получаса. Я не могу не заметить, как город постепенно погружается в темноту, улицы освещаются холодным светом фонарей. В голове снова мелькают тревожные мысли. Гарантий, что Арина все та же прежняя девочка, нет. Пошлет меня и будет права. Кто я такой? Парнишка из соседнего подъезда

Рабочий телефон пиликнул входящим сообщением, открываю и охреневаю. Листаю фотографии и краткие сводки перемещения Гелы Месхи за последние три дня. География его перемещения в столице и соседней области. Встречи в

ресторанах, посещение закрытого клуба, к которому давно есть вопросы у ФСБ, фотографии представительных мужчин кавказской наружности. «Объект в клубе, зашел пять минут назад»

«Пробей кто с ним, и как будет выходить, сообщи» - печатаю ответ. «Все: чем дышит, что жрет на завтрак, обед и ужин. Кого трахает и ближайший круг общения. По Месхи тоже самое, плюс наружка»

Ребята работающие под моим руководством опытные, сам натаскивал, как щенят с рождения. Жадные и рвучие.

Сижу в машине некоторое время и не спускаю глаз с дома с высоким забором. Остановился за выгодно расположенной зеленой порослью декоративного винограда.

Выхожу и закуриваю хрен знает какую сигарету. В желудке ноет от горечи и голода. Зря не закинулся белком после тренировки. Достаю из кармана протеиновый батончик и в два прикуса стачиваю его. Проваливается на ура, но, мало.

Как же мне тебя вытянуть на встречу, Веснушка…

Оставив машину в укрытии, обхожу дом со стороны заднего двора. Калитка с кодовым замком. Иду дальше вычисляя камеры наружки. Одна у центральных ворот, одна в углу и в противоположном. Только по периметру. Стандартная система наблюдения. Эх Гела, нашел на чем сэкономить. Усмехаюсь.

В таких системах безопасности есть огромный минус. Угол обзора ограничен. Дохожу до дальнего края забора, так

и есть. Перемахиваю без усилий через него и приземляюсь на мягкий газон. Где твои окошки, Арина?

На втором этаже через легкую вуаль белесой занавески вижу движение фигуры. Так. Плющ, тянущийся по стене вверх, неподелеку. Гела, ты точно дурак. Вновь усмехаюсь и оглянувшись по сторонам забираюсь по нему до нужной высоты.

« Выгляни в окно» — печатаю Аришке.

Глава 12. Арина.

Вновь вздрагиваю от звука входящего сообщения. Дрожащими пальцами смахиваю блокировку.

«Выгляни в окно»…вновь с неизвестного номера. Веки распахиваются в удивлении и я чувствую, как сердце спотыкается в ритме. Боже. Что это. Кто это. Как?

Крадусь на цыпочках к окну зашторенному тюлем. Становлюсь правее и высовываю нос, рассматривая темные дорожки заднего двора. Спа комплекс с темными глазницами окон, часть гаража торчит. Качели и беседка.

Дергаюсь от тихого неожиданного звука и вижу темную фигуру на уровне окна.

Сердце замирает, когда я осознаю, что это Клим. Он взобрался по плющу, его силуэт выделяется на фоне вечернего неба, что-то в этом моменте кажется абсолютно безумным и пугающим. Я замираю на месте — мысли метаются, как заблудившиеся птички, и я вновь вспоминаю, как сегодня он пытался достучаться до меня, посылая сообщения.

Зачем он пришёл? Внутри нарастает тревога. Я знаю, что рискую: рискую быть замеченной, рискую всем сердцем разбиться. Но с другой стороны, его тени в полумраке, его решительность — всё это притягивает как магнит. Я вновь прижимаюсь к окну, стараясь разобраться в своих чувствах.

Что, если кто-то увидит его? Домочадцы, охрана, сосе-

ди... Это может стать настоящей катастрофой. Но у меня есть ощущение, что сейчас решается что-то важное — возможно, даже судьбоносное. Я произношу вслух его имя, но голос сипнет и едва слышу сама: «Клим…»

Выныриваю из-за тюля и наши взгляды встречаются. Глаза его будто светятся в ночной мгле, но не могу в них прочесть ни единой эмоции. Но он уверен в своей смелости, раз нашел меня и это разрывает мой внутренний барьер. Я открываю глаза шире, кладу ладонь на стекло, и мир вокруг замирает в ожидании, когда его в такт моей прислоняется к прохладному стеклу с той стороны.

— Арина! – его голос мягкий, но с оттенком облегчения. Жестом показывает, чтобы открыла окно и я поворачиваю ручку, впуская в комнату не только ночной воздух.

– Что ты здесь делаешь? – шепчу, чуть ли не вздрагивая, от страха быть пойманной. Слова вырываются сами, а я даже не понимаю, чего хочу больше: чтобы он остался или чтобы исчез, как утренний туман.

– Я не мог больше ждать, – отвечает он, не отводя от меня взгляда. – Ты не отвечала.

Страх, неожиданность и ужас, и… нежность переплетаются в моём сердце.

– Но это опасно… кто-то может увидеть! – управляемая своим большим страхом, шепчу я непослушными губами, хотя внутри все не так. Не так…

Он улыбается, и эта улыбка… она… заставляет трусливо-

сти отползти в дальний темный угол моей души.

– Я знаю. Но я готов рисковать…

Эти слова заставляют меня замереть. Внутри меня растёт буря эмоций. Я не могу … — всё это тоже кажется безумным, безрассудным. Глупым.

– Ты не понимаешь как рискуешь, — с горечью шепчу. — Безумец… — уголки губ сами ползут вниз.

– Все понимаю, Веснушка. И я искал тебя, нашел, — с решительностью произносит.

И с этими словами всё вокруг теряет краски. Невольно сглатываю, чувствуя, как моё сердце гремит в груди, словно барабан, готовый начать новую песню. Взгляд Клима становится едва ли не физическим, пронзая меня изнутри. Я не могу поверить своим глазам, ушам, сердцу сходящему с ума за ребрами. От серьезности Клима, от его уверенности, осознанности, все это он мне транслирует, мои страхи и сомнения, наконец, трусливо расходятся, уступая место чему-то большему, неизведанному.

Открываю окно нараспашку, секунда и его массивная фигура перемахивает через подоконник и оказывается совсем рядом. Опускаю глаза в пол.

– Ты ведь знаешь, что моя жизнь не так проста, как может показаться, – говорю медленно, стараясь собрать все свои мысли. Знаю, если он нашел мой адрес и телефон, все остальное для него тоже сущие пустяки. Стыд окрашивает щеки в горячие краски.

Пара глухих шагов и в мои ноздри проникает Его запах. Совсем рядом. —Опасность! — трубит мой внутренний голос.

– Я столько лет тебя не видел, Аришка… расскажи мне, Сама, как ты живешь.

Эти слова производят на меня неожиданное впечатление Но всё равно остаётся тот зажатый клубок сомнений, который не даёт мне покоя. Я так отвыкла быть откровенной с кем-то кроме себя.

Вдыхаю, как будто собираюсь решиться на прыжок в холодную воду.

– Что, если нас кто-то увидит? – произношу, хоть и понимаю, что это всего лишь отговорка. Но часть меня боится сделать этот шаг - открыться. Я как загнанный и забитый щенок. Меня столько мучали и терзали, что я привыкла скрываться, быть тихой и невидимой.

Он делает шаг ближе, его голос оказывается совсем рядом,а я глаз поднять не смею.

– Я был осторожными. Меня тут нет ни для кого. — Горячая ладонь касается моих ледяных пальцев.

В этот миг я понимаю, что больше не могу скрывать своих истинных чувств. Страх пробуждает непреодолимое желание быть честной с человеком, который рискует ради меня.

– Я… я не хотела терять тебя на столько лет, – наконец произношу я, и моё сердце резко замирает от собственных слов. – Но мне страшно. Я не знаю, как это всё притянется,

если ты будешь рядом.

Он улыбается, и эта улыбка из прошлого. Настоящая и искренняя, твердая, говорящая о его четких намерениях. Я вдруг чувствую, как он понимает меня опять — без слов.

– Я здесь, и я не уйду. Все не спроста. – Его голос становится громче, и я вижу, как его уверенность растёт с каждой секундой.

– Хорошо, – шепчу. – Я хочу быть честной.

Каждое слово звучит как отголосок свершившегося выбора, и я чувствую, как внутри меня начинается новое движение.

Клим улыбается шире, поддерживая и в его лице я вижу прежнего парня из моего двора. Он протягивает руку, убирает выбившуюся прядь за ухо и притягивает к себе меня, впечатывая в свою крепкую грудь.

Я дома.

– Давай запомним этот момент, – говорит он, глядя мне в глаза, приподнимая за подбородок. – Как начало чего-то неподвластного.

— Я обязательно тебе все расскажу. — шепчу, нежно улыбаясь.

Лай собак и звук рычащего мотора резко нарушает наши планы.

— Я тебе напишу Клим, а сейчас… уезжай, умоляю, — вцепляюсь в его футболку пальцами и тут же отталкиваю его к окну.

— Ты его боишься? — нахмурившись уточняет.

Мотаю отрицательно головой. Вру, конечно.

— Уходи…. — молю его.

И он кивнув, вновь перемахивает через подоконник на улицу.

— Я жду сообщения, — скрывается с моих глаз. — Жду.

Наконец, он начинает осторожно спускаться с плюща, а я, затаив дыхание, слежу за его каждым движением. Страх всё еще сидит в глубине души, но теперь он смешивается с чем-то новым.

Когда Клим оказывается на земле, я наклоняюсь, чтобы увидеть его лучше. Мы находимся на грани нового. Он оборачивается, а потом исчезает, будто его и не было. Словно сон.

Глава 13. Арина.

Утром просыпаюсь от яркого солнечного света, попадающего в комнату через расшторенное окно.

Прислушиваюсь к тишине в доме. И это… хорошо. Завтракаю в одиночестве. Все посматривая на кухонную дверь. Яне знаю где муж, ночью он ко мне не заходил. После того как. Клим исчез, я быстро запрыгнула в кровать и укрывшись одеялом притворилась спящей. Только вот уснуть я долго не могла, вес крутила в голове внезапный визит Клима. Какой он стал… мужественный, взрослый, серьезный. Красивый. Другой. Только глаза прежние и ямочка на щеке, когда он улыбается.

Нашел, пришел.

Живой, настоящий, реальный.

В комнате быстро переодеваюсь в джинсы и футболку. Волосы стягиваю резинкой в небрежный хвост. В прихожей из вазочки достаю ключи от своей машины. Я редко на ней выезжаю, сегодня я хочу побыть одна и съездить в одно очень важное для меня место. Туда, где я долго не была.

— Фух, — подпрыгиваю на месте, когда рядом со мной материализуется фигура домработницы, — Люба, ты меня испугала.

— Доброе утро, Арина, — тихо отвечает.

Мы с ней договорились, что наедине я просто Арина.

— Я по делам поеду. Мне нужно в мастерскую. Поработать. И… — не знаю как спросить…

— Все, — понимает меня без слов, — Утром по делам уехал, часов в семь.

— Хорошо, — шепчу ответ, — Спасибо, Люба, если что, я на связи.

На улице кое- как отвязываюсь от водителя. Объясняю, что мен в мастерскую и, что сегодня я хочу сама быть за рулем.

Через два часа я уже в мастерской. Переодеваюсь в рабочие шорты и футболку.

В этом месте мне очень хорошо. Запах краски и разбавителей, свежих картин. Мне тут уютно, тихо, спокойно. Я могу заниматься любимым делом и ни о чем не думать.

В углу стоит рад не распакованных холстов. Рядом с большим панорамным окном ряд законченных работ, которые я скоро отправлю на выставку. Часть из них уже куплены. И деньги хранятся у меня наличкой в надежном месте, там где никто не найдет. На всякий случай. Еще я откладываю часть средств, которые мне выдает муж. Мне не нужно много. Я не бегаю как шопоголичка по бутикам, не скупаю украшения целыми коллекциями, не ищу шубы из редких мехов и не меняю машину, когда ее сменяет новая модель.

Мне нужно не так много чтобы быть счастливой.

Достаю новый холст, и погружаюсь в работу. Она меня вводит в транс. Я рисую запоями. Ничего не слыша и не видя

вокруг, кроме холста и магии на нем.

И сейчас, спустя час работы на меня смотрят глаза. Глаза которые я не видела много лет.

Мне нужно не так много, чтобы быть счастливой. Эта простая мысль всегда звучала в моей голове, как мелодия, которую невозможно забыть. Достаю новый холст, и погружаюсь в работу. Она меня вводит в транс. Я рисую запоями. Ничего не слыша и не видя вокруг, кроме холста и магии на нем.

И сейчас, спустя час работы, на меня смотрят глаза. Глаза, которые я не видела много лет. Они словно вырвались из глубин памяти, обретая форму и цвет на этом белом холсте. Я замираю, не в силах отвести от них взгляд.

Карие, с золотыми искрами, отражающими свет — они не только передают глубину чувств, но и знакомое тепло, которое когда-то согревало мою душу. Я не могла поверить, что эти глаза снова здесь, хотя на самом деле их владелец был мёртв в моем сознании. Больше десяти лет… долгих лет, когда я считала, что потеряла его навсегда.

Клим, мой лучший друг и, возможно, первая настоящая любовь. Я помню тот вечер, когда мне сообщили о его гибели, о том, как жизнь оборвалась за мгновение, и с ней ушло всё — надежда, мечты, даже цветы, которые он когда-то приносил. Я вложила в него частицы своей души, и теперь его глаза горят на холсте, напоминая о том, как хорошо было в прошлом. Все были живы, в равных условиях старого двора на окраине города.

Дыхание перехватывает, и я осознаю, что чувствую его присутствие, словно он здесь, рядом, в пространстве между миром живых и мёртвых. Долгие годы я искала способ его забыть, оберегая себя от боли. Но сейчас, испытывая эту бурю эмоций, я понимаю, что работа с красками снова стала моим спасением, моим способом справляться с потерей.

Я работаю над каждой деталью, отчаянно пытаясь передать ту искру, что всё ещё искрит в моем сердце. Рисую с такой скоростью, как будто каждое движение может вернуть меня к нему, как будто я могу сказать ему всё, что не успела. За утраченные возможности и время.

И вот, когда последний штрих завершён, я отступаю назад, чтобы оценить своё творение. Кажется, что глаза Клима действительно живут. Я чувствую, как сердце стучит в унисон с внешним миром, и в душе зарождается гармония.

Как будто он шепчет мне: «Я здесь. Я с тобой». Я не знаю, как это возможно, но в этот миг мне кажется, что он действительно в этот момент тут, стоит за спиной и шепчет дорогие для моего сердца слова.

Слёзы наворачиваются на глаза, но на этот раз они не от боли. Это слёзы облегчения и принятия. Я вдыхаю глубже, осознавая, что, возможно, стоит позволить себе опять чувствовать. Позволить себе мечтать.

Творя новую жизнь на холсте, я снова учусь ценить то, что у меня есть, и, видя его глаза, я понимаю, что нет ничего более важного, чем любовь — любовь, которая может пу-

тешествовать через время и пространство. Пусть она безответная. Я замужем, он наверное, тоже не одинок. Но он жив, это самое главное.

Ставлю холст в ряд не тронутых. Его тут никто искать не будет, возвращаю незаконченную картину на его место и переодевшись выхожу из мастерской.

Сажусь в машину, завожу двигатель и меня вдруг осеняет. Я очень хочу съездить в наш двор. Туда, где я была счастливым, беззаботным ребенком, туда, где я впервые увидела карие глаза, что забыть не смогу никогда.

Глава 14. Арина.

В нем все по прежнему, будто не было этих двенадцати лет. Старые качели выкрашенные голубой краской, песочница с разноцветным грибком, скамейки, беседка даже еще стоит. Мы в ней любили смотреть как пенсионеры домино раскладывают, в дурака подкидного играют.

Останавливаюсь у пятиэтажки, втискиваясь между жигуленком и нивой. Подхожу к подъезду и… на двери кодовый замок. Раньше его не было.

— Ты к кому, деточка, — оборачиваюсь на старческий скрипучий, но добродушный голос.

— Мне в двадцать седьмую.

— К Морозовым? Ну… проходи, а ты не воровка? И не из тех кто предлагает покупать какие-то таблетки? Ты учти у нее…

— Нет, нет, что вы. — Перебиваю, дотошную бабушку. — Я… в гости. Да.

— Хм, ну коли так, то проходи. Но учти, я запомнила твое лицо, — машет костылем грозно, в другой руке сетку с молоком и хлебом держит.

— Давайте я вам помогу? — предлагаю свою помощь.

— Стащишь мою провизию, — настороженно. — Один мне помог, все упер, гаденыш прыщезадый. Но я его запомнила и нашему участковому все рассказала.

Дверь открывается и запускает нас в прохладу и полумрак подъезда. Пустившая меня старушка открывает дверь на первом этаже, но не заходит, а все с таким же подозрением провожает меня на этажи выше.

Я медленно поднимаюсь, преодолевая ступень за ступенью. Веду кончиками пальцев по стенам хранящим много много историй. Пусть они совсем другого цвета, но если чуть сильнее нажать подушечками, то чувствуется щербатость. Закрашенные буквы. Слова нацарапанные когда-то давно.

Дверь открывается и запускает нас в прохладу и полумрак подъезда. Пустившая меня старушка открывает дверь на первом этаже, но не заходит, а всё с таким же подозрением провожает меня на этажи выше. Я не могу не заметить, что ее взгляд полный настороженности, словно в нем сплетаются воспоминания о давнем времени, когда этот двор, возможно, принадлежал её семье.

Я медленно поднимаюсь, преодолевая ступень за ступенью. Каждая ступень ведет меня назад во время, в места, которые хранят всю суть моего детства. Веду кончиками пальцев по стенам, которые помнят множество шагов и вздохов, радостей и горестей. Пусть они совсем другого цвета, но если чуть сильнее нажать подушечками, то чувствуется щербатость. Закрашенные буквы. Слова, нацарапанные когда-то давно. «Здесь были мы». Каждое прикосновение наполняет меня ностальгией.

Сердце колотится в груди, когда я поднимаюсь на третий

этаж. Здесь прошли мои беззаботные годы. Здесь жил мой любимый человек . Эта мысль наполняет меня одновременно любопытством и страхом, ведь я не видела маму Клима много лет. Когда-то она была для меня как вторая мама, но, увы, жизнь разлучила нас. Вспоминаю, как мы вместе лепили из пластилина, как она читала мне сказки, а потом смотрела на нас с улыбкой, полной доверия.

Наконец, я останавливаюсь перед дверью квартиры. Не знаю, что произойдет, когда я нажму на дверной замок. Страх и волнение щекочут изнури. Я представляю, как она откроет дверь и узнает меня, как лицо, которое было мне дорого много лет назад озарит улыбка. Или, может, она уже забыла? Я замираю на мгновение, чувствуя легкое покалывание в сердце. Способна ли она увидеть во мне ту же девочку, что когда-то ласково звала её «тётя Лена»?

После краткого колебания, я нажимаю кнопку звонка. Звук эхом разносится по пустому коридору, и это напоминание о старых временах заставляет меня вздохнуть с облегчением и тревогой одновременно. Пауза тишины кажется вечностью, и в ней рождаются мои страхи: а что если она не откроет? Или, что если Клим… живет с ней. И с женой например или девушкой. Душа моя наполняется сомнением, словно я стою на краю пропасти, и каждое мгновение может меня скинуть.

Вдруг дверь открывается, и передо мной стоит женщина, которую я помню только смутно. Она постарела, но в глазах

её все та же теплота. Тот славный свет, который всегда окружал нашу дружбу. Я чувствую, как внутри меня разгорается трепет — чувства смешиваются, вызывая дрожь в голосе:

— Здравствуйте, тётя Лена.

Её глаза расширяются в мгновении, как будто она пытается впитать в себя все воспоминания, наводящие на истину. Я вижу, как на ее лице появляется улыбка, полная растерянности и радости. Рука сама тянется к ней для объятия, и я обнимаю её, чувствуя тепло и безопасность, растерянные во времени.

— Я верила, что ты вернешься, — звучит её голос, кажется, чуть дрожащим. — Я так по тебе скучала, Ариша…

И в этот момент все страхи и волнения, накопленные за многие годы, как будто растворяются в воздухе. Я понимаю, что в этой встрече есть нечто большее. Это связь поколений, связь семейных уз, которые никогда не растворятся в пыли времени, даже если жизнь разлучила нас. Я наслаждаюсь этим мгновением, зная, что возвращение не только для меня, но и для неё также имеет значение.

— Проходи, моя хорошая, проходи, — впускает меня в квартиру. — Я так по тебе скучала, — говорит тётя Лена, её голос полон тепла и нежности.

— Я тоже, тётя Лена, — произношу я, и в голосе моем звучит нечто большее, чем простая вежливость. Я действительно скучала по этим простым радостям, по тому уюту, который царил тут, скрытый ото всех в этом большом мире.

Она пропускает меня в квартиру, и я мгновенно ощущаю ту самую атмосферу, которая всегда витала в любви и заботе. Здесь запахи домашней выпечки переплетаются с растительными нотами из цветов на подоконниках. Я задерживаюсь на мгновение, чтобы впитать все эти детали — они напоминают мне о детстве, о том времени, когда всё было таким простым и понятным.

— Как ты поживаешь? — спрашивает она, накрывая на стол, как делала это раньше. Я вижу, как её руки слегка дрожат, и понимаю, что последние годы для нее были не легкими. Посеребренные волосы, убранные в пучок свидетельствуют об этом же.

— Ну... нормально, — начинаю я, чувствуя, как груз эмоций наваливается на меня. — Живу, рисую, — не хочу вдаваться в детали. Пусть тут, в этом месте я обычная девушка.

Тетя Лена перестает накрывать на стол и, развернувшись, порывисто обнимает меня за плечи, говорит:

— Мы так скучали Арина. И он очень скучал. У Клима было тяжёлое время,и у меня… когда он уехал, а потом ты.

Её слова обжигают откровенной правдой. Я понимаю, что мне нужно сказать ей свою правду, открыть сердце, поделиться всем, что коснулось меня за эти годы. Но, не могу.

Замираем, когда слышим, что ключ проворачивается в замочной скважине. Три, два, один.

— Мам, ты где?

Глава 15. Арина.

Сердце в груди осекается, падает в пятки мгновенно.

— Я тут, сын, — отвечает тетя Лена, приподняв брови. Суетиться начинает. Хватает полотенце и начинает стряхивать им невидимые пылинки со стола. И я понимаю, что она волнуется.

Шаги все ближе и я совсем забываю как дышать… ладони вмиг потеют… я не знаю куда деть свои глаза от волнения. От неловкости и вообще…

— Мам, я тут продукты прив… — голос за моей спиной обрывается и шелест пакетов прекращается на долгие секунды. А потом они приземляются рядом на разделочный стол. — Аринка…

Моя шея вжата в плечи, а спина напряжена так сильно, что еще немного и судорога пойдет. Боль в руке заставляет очнуться и выпустить из пальцев чайную ложечку, я даже не заметила с какой силой ее сжимаю, опускаю глаза и смотрю на ладонь с красным следом.

— Аринка…— опять повторяет.

Поднимаю глаза на теть Лену, а она улыбается сквозь слезы, смахивает их со своего лица. И улыбается!

— Пппривет, — тихо отвечаю, боясь перевести на него глаза.

— Ребята… Клим, Ариша. Ну вот и встретились, —вновь

смахивает слезы с щек. — Столько лет и вот…

Чувствую как он обжигает меня взглядом. У меня горит все!

— Клим, Аринка она…

— Мам, мы виделись, — мягко поясняет ей.

— О… — удивляется теть Лена, — Да? Хм, — смотрит на меня задумчиво и недоуменно, — Ну, тогда понятно. А мы тут, вот… чай пить собрались. Сын, ты обедать будешь? — полотенце в ее руках замерло.

— Буду, — отвечает, а я все так же чувствую как кожа рук, шеи, полыхает. — Только попозже мам. Я с Аринкой поговорить хочу. Ладно?

Я напрягаюсь еще сильнее от его слов. В смысле поговорить? В СМЫСЛЕ?!

— А. О… ну я пойду к теть Асе за… солью, точно. Кончилась, да.

— А вот нет, давай сейчас мам, — будто считав мое напряжение, тут же меняет ответ, — Я голодный, жуть.

— Совсем тебя не кормят там, да? — грустно отвечает теть Лена, — Ты ничего с этой работой не успеваешь, сын… Похудел опять. Ладно, я сейчас быстро согрею борщ, котлеты с макаронами. Как чувствовала, что гости будут.

— А можно я вам помогу? — неуверенным голосом задаю вопрос.

Бам… тарелка встречается с полом и разлетается на осколки.

— Мам, ты че?

— Выскользнула из мокрых рук.

Подрываюсь со стула за веником. Я знаю где о ну них стоит, точнее, стоял. Всегда в коридоре между шкафом и стеной. А сейчас? Там же?

— Сиди, Веснушка, — строго говорит Клим и я безоговорочно плюхаюсь обратно на стул, и тут вскидываю на него голову. — Порежешься.— сдвинув брови комментирует, — Я сам. — В два шага покидает кухню и возвращается тоже быстро, неся в руке вертикальный пылесос.

Тетя Лена уже собирает крупные осколки в ведро.

Обед проходит… напряженно. Как бы мне не было приятно тут находиться, в компании дорогих мне людей, кусок в горло не лез. А вот Клим, орудовал приборами быстро, поглощая с аппетитом домашнюю еду. Только взгляды на меня кидал странные, понять которые я не могла. Тетя Лена пару раз спрашивала, что у меня с аппетитом, извинялась за то, что еда простая и обычная. Видимо, решила, что я ем только из фарфоровых тарелок и только золотыми приборами. Это… далеко не так. И борщ был вкусным и второе… все по-домашнему и с любовью. И от этого в груди щемило горькой тоской. Невозвратным. Мамой и отчимом. Моей семьей. Детством и счастьем. Тем временем, когда я не решала сложных вопросов и не жива в золотой клетке, прутья которой выпачканы моими слезами и кровью.

— У меня сахар закончился, — спохватывается тетя Лена.

Я очухиваюсь уже когда на столе убрано и стоят чашки для чая. Моргаю непонимающе.

— Я быстренько в магазин сбегаю, — в кухню с сумочкой заглядывает. Хлопает входная дверь.

И мы одни остаемся.

Клим и я.

Он на меня глазами полными серьезности смотрит. А я коленки плотнее сжимаю. Мне глаза отвести хочется, спрятаться. В раковинку свою. Там тепло и безопасно. Тихо.

— Ариша, — его теплые пальцы касаются моих холодных. Вжимаю шею в плечи и опять боюсь глядеть. — Веснушка, на меня посмотри… — просит мягко, но настойчиво. — Глазки подними.

И я слушаюсь, неуверенно поднимая голову. Я ему верю почему-то. Он просто другой. Не такой как мой муж. Который только и делал всю жизнь, что рявкал, приказывал, давил, прогибал и размазывал.

— Ариша, у меня к тебе пара вопросов. Сможешь ответить? — пристально в глаза мои смотрит и не отпускает, не дает глаза отвести. Опустить. Отвернуться.

— Ккаких… — заикаясь, спрашиваю тихо.

— Личных, но это важно.

И у меня закрадывается ощущение, что он следил за мной. Вот просто за секунду. Он знал, что я сюда приехала и появился тут вот так внезапно, только для меня и теть Лены.

— Ариша, ты счастлива замужем?

Глава 16. Клим.

Увидев дома у мамы Веснушку, охренел. Да. Судьба не просто так нас с ней сводит последнее время. Разведя ранее на долгие годы.

Я не видел как она взрослела. Помню только щербатую улыбку и косички с чУдными резоночками минни маус. Смех ее и сверкающие глазенки. Как кукла наряженная всегда была. Любимица родителей, единственный ребенок в крепкой семье.

Сейчас передо мной взрослая , замужняя женщина. Утонченная, красивая, скромная и, пугливая… Она настолько зашуганная… что войдя в кухню я вижу только ее втянутую в плечи голову. Неестественно бледную кожу, руки сжимающие край салфетки, глаза поднять на меня боится. А они такие красивые, я таких в жизни не видел. В них столько энергии и жизни было. Можно целый микрорайон освещать. В клинике зашуганным воробушком от меня упорхнула, на благотворительном вечере - восковой куклой была. Только когда к ней в окошко постучался, увидел искру прежнего блеска, пока звук мотора не заставил ее встрепенуться пугливой птичкой.

Увидев дома у мамы Веснушку, охренел. Да. Судьба не просто так нас с ней сводит последнее время. Разведя ранее на долгие годы. Я не видел, как она взрослела. Помню только

щербатую улыбку и косички с чудными резиночками Минни Маус. Смех её и сверкающие глазенки. Как кукла, наряженная всегда была. Любимица родителей, единственный ребенок в крепкой семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.